

МАРИЯ СОНИК

ВО ВЛАСТИ
ДВУХ
ЭЛЬФОВ

Мария Соник

Во власти двух эльфов

«Литнет»

2026

Соник М.

Во власти двух эльфов / М. Соник — «Литнет», 2026

Попасть в другой мир – не беда. Попасть в руки двум генералам-эльфам, вот это уже серьезней. Они будут бороться за меня до последнего. Но что делать мне, если сердце отказывается выбрать кого-то одного? Книга пишется в рамках литмоба «Во власти братьев»; Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора!
МАРИНЯ СОНИК

© Соник М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
От автора	7
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пролог

—Далеко ли собралась, куколка? — Его голос, низкий и бархатистый, как раскат грома, заставляет мои коленки дрожать, а между ног разливается предательская влага. Но я сжимаю кулаки, стараясь взять себя в руки, чтобы не показать, как эти двое эльфов — совершенных, мускулистых, с глазами, полными дикого огня — действуют на меня, разжигая пожар в теле.

—Я? Мне пора уходить, — бормочу я, пытаюсь обойти их, но они двигаются синхронно, как хищники, блокируя путь своими мощными телами. Их запах — мускусный, древесный, с ноткой чего-то запретного — кружит голову, заставляя пульс ускоряться.

Один усмехается, приближаясь вплотную, его рука мягко, но твердо ложится на мой локоть, удерживая на месте. Пальцы горячие, как раскаленные угли, и я чувствую, как тепло проникает сквозь ткань, заставляя кожу гореть.

—Куда ты так торопишься? Мы ведь только начали разговор. — Второй встает с другой стороны, его пальцы скользят по моей талии — горячие, уверенные, сжимая плоть так, что я вздрагиваю. Они прижимают меня к мощному телу первого, лишая шанса даже дернуться, и я оказываюсь зажатой между ними, чувствуя твердость их мускулов и нарастающее возбуждение.

—Не упрямься, наша эльфийка. Мы видим, как твои щечки пылают в нашем присутствии. Расскажи, что тебя так тревожит? Или предпочитаешь, чтобы мы сами догадались? — Их взгляды скользят по мне, сверху вниз, задерживаясь на груди, бедрах, полные дерзкого огня, который разжигает пламя внутри меня. Мне хочется подчиниться, отдаться этому жару... Но я все еще стараюсь держаться, хотя тело уже предает, дрожа от желания.

—Я искренне благодарна за вашу помощь. Если бы не вы... — Даже вспоминать об этом жутко. Тот месяц унижений в трактире, где хозяйка использовала меня как вещь, будет преследовать в кошмарах. Эти эльфы такие же — манипулируют, пользуются моей слабостью.

Эльф наклонился ближе, его горячее дыхание ласково коснулось моей шеи, как легкий ветерок, а рука, скользя с локтя выше, к плечу, нежно начала массировать напряженные мышцы, заставляя кожу гореть под его прикосновениями. Пальцы впиваются глубже, разминая, и я чувствую, как напряжение тает, уступая сладкому онемению.

—Благодарна? О, милая, слова — это мило, но мы предпочитаем... действия. — Его голос вибрирует у моего уха, посылая волны мурашек по спине.

Второй эльф усмехнулся, его пальцы на моей талии стали еще жарче, он прижимает меня плотнее, маневрируя так, чтобы я оказалась зажатой между двумя мощными телами, без шанса вырваться. Их члены, твердые и пульсирующие, прижимаются ко мне спереди и сзади, и я задыхаюсь от этого контакта.

—Если бы не мы, говоришь? А теперь представь, что случится, если мы тебя... не отпустим. Твои губки дрожат, глазки блестят от возбуждения — признайся, куколка, тебе нравится эта сладкая ловушка? — Они обмениваются взглядами, полными дерзкого огня, разжигающего пламя внутри. — Почему бы тебе не поцеловать нас в знак благодарности?

—По... поцеловать? — Мой голос дрогнул, щеки запылали еще ярче, но договорить я не успела. Один из эльфов, тот, чьи пальцы все еще жгли мою талию, вдруг схватил меня за подбородок, приподнимая лицо, и его губы обрушились на мои в страстном, требовательном поцелуе. Его язык вторгся без приглашения, танцуя с моим в горячем ритме, заставляя тело таять от жара, а колени подгибаться. Дыхание смешалось, его руки скользнули по спине, прижимая меня к себе, как будто я — его добыча, и я чувствую, как его член пульсирует у моего живота.

Второй не заставил себя ждать: его усмешка стала хищной, и он прижался сзади, его губы нашли мою шею, осыпая поцелуями, полными огня, пока его ладони блуждали по бедрам, разжигая искры желания. Их тела окружили меня со всех сторон, поцелуи слились в бурю страсти,

лишая воздуха и воли, и я могла только раствориться в этом пламени, дрожа от нахлынувшего жара.

—Ммм, вот так, милая, не сопротивляйся, — прошептал тот, что сзади, отрываясь на миг от моей шеи. А потом неожиданный укус — острый, сладкий, от которого по телу прошлись тысячи иголок, заставляя соски затвердеть и влагу хлынуть между ног. Как бы я ни пыталась сдержаться, стон все же сорвался с моих уст — низкий, полный желания.

Его тут же ловят горячими, настойчивыми губами, углубляя поцелуй. Его язык танцует в моем рту, жадно, требуя ответа, пока рука скользнула под блузку, лаская теплую кожу живота, поднимаясь к груди. Пальцы обводят круги вокруг соска, дразня, прежде чем сжать его, посылая электрические разряды прямо в клитор.

—Ммм, такой сладкий звук, милая... еще, — промурлыкал он, пальцы нежно, но твердо сжали сосок через ткань, заставляя тело дрожать, выгибаться навстречу. Второй эльф сзади прижимается теснее, его твердый член уперся в мою попку, пульсируя через одежду, рука ныряет под юбку, поднимаясь по бедру вверх, к давно уже мокрому белью. Пальцы касаются кружев, ощущая влажность, и я стону громче, наши дыхания смешались, разжигая огонь, который вот-вот сожжет меня дотла.

—Да ты уже готова нас принять, малышка? — Его голос хриплый от желания, пальцы скользят под трусики, касаясь набухших складок, и я таю, забывая о мыслях о побеге, о том, чтобы остановиться — эти эльфы такие же, как хозяйка, пользуются мной, но сейчас это единственное, чего я хочу.

От автора

Дорогие друзья!

С огромным удовольствием приглашаю вас в новый захватывающий литмоб под названием «Во власти братьев». Это не просто событие, а настоящее приключение, полное ярких эмоций, неожиданных поворотов и незабываемых впечатлений.

Представьте себе атмосферу, где каждый момент наполнен магией и интригой, а воздух буквально искрится энергией. Это место, где вы сможете забыть о повседневной суете и полностью погрузиться в мир, который авторы создадут специально для вас.

Я обещаю, что это будет жарко в самом хорошем смысле этого слова.

Жду вас в литмобе «Во власти братьев» и обещаю, что наши истории станут одним из самых ярких событий в вашей жизни!

3.01

Глава 1

Я просыпаюсь в номере отеля, сердце колотится, а тело горит от странного, неясного возбуждения. Неважно. Сегодня идеальный день, чтобы выбраться на море — наконец-то расслабиться после всех этих стрессов на работе и в повседневной суете. Солнце светит ярко, и я чувствую, как энергия наполняет меня, обещая приключения.

Я встаю, тело еще дрожит от остатков этого непонятного жара, и иду к шкафу. Выбираю свой любимый купальник — открытый, дерзкий, с тонкими стропами, которые едва держат кружевные чашечки на груди, и низким вырезом, открывающим живот и бедра. Ткань — черная, блестящая, с прозрачными вставками, которые подчеркивают формы, делая меня чувственной и уязвимой. Он такой открытый, что кажется, вот-вот сорвется, обнажая соски или промежность, и я представляю, как взгляды незнакомцев на пляже будут скользить по мне, разжигая внутренний огонь.

Стоя перед зеркалом, я надеваю его, ощущая, как кружево прилипает к влажной коже от недавнего сна. Соски твердеют под тонкой тканью, а между ног разливается тепло — воспоминания о чем-то неувловимом заставляют меня вздрогнуть.

— Почему я так возбуждена? — бормочу я, но не могу остановиться. Руки сами собой скользят по телу: одна поправляет чашечку, задевая сосок, посылая искру в клитор, другая спускается ниже, касаясь бедра, как будто невидимые пальцы все еще там, дразня.

Я беру крем для загара — густой, ароматный, с запахом кокоса, — и наношу его на кожу, медленно, чувственно. Пальцы размазывают крем по плечам, шее, груди, кружа вокруг сосков, заставляя их набухнуть еще больше.

— Ммм... — стон срывается с губ, и я представляю, как это будет на пляже — солнце, песок, волны, и я, открытая для всего мира. Крем стекает по животу, к бедрам, и я натираю внутреннюю сторону, близко к промежности, чувствуя, как тело реагирует — влажность усиливается, пульсация нарастает.

Наконец, я надеваю легкое платье поверх купальника — прозрачное, белое, которое едва скрывает очертания, — и беру сумку.

Выйдя на крыльцо отеля, солнце греет кожу, ветерок дразнит, задирая подол, и я иду к пляжу, чувствуя себя обнаженной под взглядами прохожих. Уже представляю как на море я сниму платье, лягу на песок, и волны будут ласкать мое тело, разжигая новый огонь внутри.

Я иду по набережной, сердце стучит в ритме шагов, тело все еще пылает от внутреннего огня, который разожгли мои собственные прикосновения. Солнце поднимается над горизонтом, но пляж недалеко — еще пара минут, и я почувствую песок под ногами, соль на коже.

Ветерок задирает подол платья, лаская бедра, и я улыбаюсь, представляя, как сниму его, открою свое тело морю. Пульсация между ног не утихает, напоминая о том, как пальцы скользили по коже с кремом, дразня чувствительные места.

— Еще немного, — шепчу себе, ускоряя шаг, — И я освобожусь от всего этого напряжения.

Но вдруг небо темнеет, сумерки накатывают мгновенно, как тяжелый занавес, поглощая последние лучи солнца. Набережная пустеет в мгновение ока. Я замираю на месте, оглядываясь вокруг в панике — где я? Пляж растворился в этой черноте, дома вокруг кажутся чужими, искаженными тенями. Сердце бьется как бешеное, не от того сладкого возбуждения, что пульсировало в теле, а от ледящего страха.

— Это невозможно, — шепчу я, пытаюсь шагнуть вперед, но ноги наливаются свинцом, как в кошмарном сне. Темнота густеет, обволакивая меня плотным коконом, и я чувствую, как сознание ускользает, мир тает в пустоте...

Просыпаюсь резко, жара обдаёт лицо, как удар. Солнце палит нещадно, ослепляя глаза, песок подо мной раскален, как угли. Вокруг — ничего. Только бесконечная пустыня, песчаные дюны, тянущиеся до горизонта, и ни деревца, ни тени. Я сажусь, тело покрыто потом, купальник прилип к коже, а платье... его нет. Только этот дерзкий купальник, который теперь кажется жалкой защитой от палящего зноя. Ветер несёт горячий песок, царапая кожу, и я ощущаю, как солнце жжёт плечи, живот, бедра — все открытые места.

— Где я? Что это за место? — шепчу я, голос хриплый от жажды. Воспоминания об отеле, о пляже кажутся далекими, как сон.

Тело все еще горит, но теперь от жары, от палящего огня над головой. Я пытаюсь встать, но песок обжигает ступни, и я падаю обратно. Купальник трется о кожу, прозрачные вставки ничего не скрывают — соски торчат, набухшие от жары, а между ног влажно, несмотря на пустыню.

— Почему я возбуждена даже здесь? — думаю я, рука невольно скользит вниз, касаясь бедра, как будто пытаюсь унять этот странный жар. Но прикосновение только разжигает огонь, пульсацию, которая смешивается с болью от солнца.

Вокруг ни души, ни звука, кроме шелеста ветра в песке. Я лежу, солнце проникает сквозь тонкую ткань, обжигая интимные места, и тело реагирует предательски — волны тепла проносятся от груди к низу, заставляя стонать.

— Нужно двигаться, — говорю себе, но куда? Пустыня бесконечна, и я чувствую, как теряю силы, как пустыня поглощает меня, разжигая внутренний огонь, который может сжечь изнутри, прежде чем солнце сделает это снаружи.

И все же я нахожу в себе силы сопротивляться непонятным чувствам и поднимаясь на ноги, иду, куда... могу только себе представить.

*Вторая книга литмоба "Во власти братьев"
Таро на троих*

Анна Есина

<https://litnet.com/shrt/9a70>

Глава 2

Я собираюсь с силами, поднимаюсь на ноги, игнорируя обжигающий песок под ступнями. Купальник липнет к потному телу, но я не думаю об этом, сосредоточившись на выживании.

— Должно быть что-то впереди, — бормочу я, оглядываясь на бесконечные дюны. Может, оазис, или люди, или хотя бы тень. Я начинаю идти, медленно, каждый шаг — пытка: песок скользит под ногами, как ртуть, а солнце жжет спину, заставляя кожу гореть.

Шаги ритмичные, но тяжелые, и с каждым из них усталость накапливается — тело болит от жары и обезвоживания, пот стекает по лицу, мешая видеть. Я чувствую, как силы тают, как в пустоте, и голова кружится от палящего солнца.

"Не останавливаться," — думаю я, пытаюсь сосредоточиться на горизонте. Он дрожит от жара, но я иду, тело мое — смесь боли и изнурения, готовое к любому исходу. Но я все равно продолжаю двигаться, шаг за шагом, в поисках хоть искры жизни.

Песок под ногами кажется бесконечным океаном, каждый шаг требует огромных усилий, а солнце неумолимо палит сверху, словно пытаюсь испепелить меня. Пот стекает ручьями по спине, купальник прилип к коже, но я игнорирую все это, сосредоточившись на горизонте. Вдали, сквозь дрожащий от жара воздух, начинает вырисовываться что-то странное — не просто дюны, а силуэты, напоминающие дома. Неужели? Я прищуриваюсь, протирая глаза ладонью, но видение не исчезает. Это могут быть руины, или мираж, или... настоящие строения? Сердце бьется чаще, надежда вспыхивает в груди.

"Спасение! Неужели это спасение?" — думаю я, ускоряя шаг, несмотря на то что ноги дрожат от усталости. Может, там вода, тень, люди, которые помогут. Я представляю прохладную воду на губах, мягкую постель, конец этому кошмару.

Но силы покидают меня быстрее, чем я ожидала. Голова кружится, мир начинает плыть перед глазами, а ноги подкашиваются. Песок подо мной вдруг кажется мягким, приглашающим к отдыху, но я знаю, что это обман. — Еще немного, — бормочу я, но слова срываются с губ сухими и хриплыми. Вдалеке дома кажутся ближе, но расстояние не сокращается.

Тело отказывается повиноваться: мышцы горят от обезвоживания, дыхание становится прерывистым, а сознание ускользает, как песок сквозь пальцы. Я падаю на колени, затем лицом вниз в горячий песок. Мир вокруг темнеет, и последние мысли — о том, что спасение так близко, но недостижимо.

Темнота накрывает меня, и я теряю сознание, оставляя тело лежать в пустыне, под беспощадным солнцем.

Я нехотя выплываю из темноты, сознание возвращается медленно, как будто сквозь густой туман. Над ухом раздается голос — женский, низкий и хриплый, с ноткой насмешки.

— Пусть остается. Она очень даже ничего. Когда посетители таверны ее увидят, народу точно прибавится. Многие захотят поглазеть на такое смазливое личико.

Я моргаю, пытаюсь сфокусировать взгляд. Голова гудит, тело ломит, как после долгого сна, но вокруг не песок и солнце — вместо этого я лежу на чем-то твердом, но прохладном. Стол? Да, деревянный стол в полутемной комнате, пропитанной запахом пива, дыма и пота. Над головой — низкий потолок с балками, увешанными связками чеснока и сушеными травами. Я приподнимаюсь на локтях, чувствуя, как купальник все еще липнет к коже, но теперь это кажется неуместным в этой обстановке. Где я? Пустыня... дома... потеряла сознание... а теперь это?

Женщина стоит рядом — крепкая, с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный хвост, в простом платье, облегающем пышные формы, с глубоким вырезом, открывающим взгляд на полную грудь, которая вздымается при каждом вздохе. Она ухмыляется, оглядывая

меня с головы до ног, ее взгляд скользит по моей фигуре, задерживаясь на изгибах бедер и влажном купальнике, прилипшем к телу, подчеркивающим каждый контур. Я вдруг осознаю, что лежу здесь, словно выставленная на показ, и это пробуждает странное тепло внизу живота.

— Где я? — хриплю я, голос едва слышен от пересохшего горла. Она смеется, низким, горячим смехом, и протягивает кружку с водой, ее пальцы слегка касаются моих, посылая искру по коже.

— Я — Марта, хозяйка этой таверны. А ты... тебя притащил сюда старый Том, нашел в песках. Говорит, ты чуть не сварилась под солнцем. Выпей, красотка, и приходи в себя. Мужики уже слюни пускают, глядя на тебя сквозь щель в двери.

Я беру кружку дрожащими руками, делаю глоток — вода холодная, освежающая, как дар небес. Комната оживает вокруг: слышны голоса из-за двери, смех, звон посуды. Посетители? Или домочадцы? Это кажется абсурдом, но после того кошмара снаружи все кажется возможным.

Я оглядываюсь — окна занавешены, свет от свечей мерцает, отбрасывая тени на стены, где висят старые ковры и гобелены, добавляя интимности этому пространству. Марта же продолжает болтать, ее голос становится тише, интимнее:

— Твое личико — чистое золото. Глаза большие, как у лани, кожа загорелая, а эта фигурка... Ох, если б я была мужчиной, сама бы не устояла. Твои губы полные, как спелые ягоды, а тело — грех во плоти. Но не волнуйся, здесь безопасно. Пока что.

Я сажусь прямо, чувствуя, как силы возвращаются, но вместе с ними — любопытство и растущее возбуждение от ее слов. Что за место это? И почему ее слова о моей внешности вызывают странное, пульсирующее тепло в груди, спускаясь ниже? Марта подмигивает, ее глаза блестят в полумраке, и она уходит за занавеску, оставляя меня одну. Я допиваю воду, прислушиваясь к шуму снаружи — смеху, разговорам, приглушенным стонам, намекающим на то, что эта таверна полна не только пива.. Мир за дверью манит, полный неизвестности, и я понимаю, что пока это единственный вариант для меня остаться в живых и узнать о том, где я вообще оказалась, а главное как.

Что же ждет героиню, узнаем в следующей главе. А пока познакомьтесь с сегодняшней новинкой!

Строптивые убийцы для сестры короля

Кристина Миляева

<https://litnet.com/shrt/8VqC>

Глава 3

Прошло две недели. Две недели жизни, втиснутой между липкими столами, дымом трубки и нескончаемым потоком пива, вина и похотливых взглядов. Я научилась ловко уворачиваться от хватающих рук, отшучиваться на похабные шутки и носить сразу три кружки в одной руке. Марта, хозяйка «Спящего Енота», ворчала, что я слишком медлительна, но мои чаевые — а вернее, монеты, которые гости зажимали мне в ладонь, пытаюсь задержать прикосновение, — говорили об обратном.

Я стала приманкой. Тихой, улыбчивой, с «полными, как спелые ягоды» губами и фигуркой, которая, по словам Марты, была «грехом во плоти». И посетителей в таверне действительно прибавилось. Мужчины — купцы, наемники, зажиточные горожане — приходили не только выпить. Их глаза выискивали меня в полумраке зала, и их разговоры обрывались, когда я проходила мимо, а потом возобновлялись сдавленным, жадным шепотом.

Сначала я слышала лишь обрывки, скрытые грохотом кубков и музыкой лютниста.

«...такой товар редко встретишь...»

«...чистокровная, погляди на скулы...»

«...Марта знает, как навариться...»

Потом стало конкретнее. Вчера толстый торговец в бархатном кафтане, его пальцы, унизанные кольцами, скользнули по моему запястью, когда я ставила перед ним жаркое. Он не отпускал.

— Хозяйка твоя — женщина с размахом, — шепло прошептал он, и запах дорогого вина и пота ударил мне в лицо. — Договоримся. За ночь с тобой — сумму назову, от которой у нее глаза на лоб вылезут. Ты же не хочешь всю жизнь в этой вонючей дыре мыть кружки?

Я вырвала руку, улыбнувшись деревянной улыбкой, которую уже освоила. Но холодный комок страха застрял под ребрами. Вечером, протирая стойку, я увидела, как он о чем-то оживленно шепчется с Мартой у лестницы, ведущей в ее кабинет. Марта кивала, ее хищное лицо было серьезно, а глаза метнули на меня быстрый, оценивающий взгляд — как гурман на сочный стейк.

Сегодня была последняя капля. Двое наемников, от которых пахло кровью и конским потом, устали на меня, пока я убирала их стол.

— Ну что, Мартушка, — хрипло сказал один, с шрамом через глаз, — когда уже дегустиацию устроишь? А то смотреть — смотреть, а попробовать — нельзя. Цена растет, слышал я. А товар от долгого хранения может испортиться.

Его напарник грубо рассмеялся.

— Испортиться? Да ее тут на части разорвут. Говорят, уже лорд с окраины ей интересовался. Экзотика, говорит.

Марта лишь покачала головой, но в ее отказе не было прежней твердости. Было расчетливое промедление: «чем дольше ждешь, тем выше цена».

Я стояла в крохотной каморке под самой крышей, куда меня поселили, и дрожала, но не от холода. Золотая клетка оказалась клеткой торговой. Мое «личико — чистое золото» было товаром. Моя чистота — главным лотом на незримом аукционе, который Марта уже вела.

Возбуждение, которое я поначалу смутно ощущала от внимания, превратилось в тошнотворный страх. Шумы таверны теперь звучали иначе: каждый смех был оценкой, каждый стон из-за закрытых дверей на верхнем этаже — напоминанием о моей возможной участи.

Марта оставила меня здесь не из милосердия. Она откармливала гуся на убой. «Пока что безопасно», — сказала она тогда. Эти два слова теперь висели надо мной, как лезвие топора на тонкой нитке.

Нитей оставалось мало. Я посмотрела на свою узкую кровать, на дощатые стены. За дверью гудела таверна — мир, полный неизвестности, который манил меня две недели назад. Теперь он манил только как возможность сбежать. Но куда? Я не знала ни этого города, ни даже своего места в этом мире. Но я знала одно: оставаться здесь, ждать, когда Марта примет самое выгодное предложение, — значит подписать себе приговор.

Силы, вернувшиеся ко мне, были теперь не только физическими. Это была сила отчаяния, острого и холодного. Я потушила свечу и присела на кровать в темноте, прислушиваясь к голосам внизу. Завтра. Завтра мне нужно будет начать искать выход. Или оружие. Или и то, и другое. Потому что цена за мое «чистое золото» уже почти названа, и платить за него собирались не монетами, а мной.

День начинался как обычно: запах кислого пива, застарелого жира и пыли. Я разносила тяжелые кружки, улыбаясь уголками губ, а внутри все сжималось в ледяной, отчаянный комок. План побега был еще туманным, как дым в этой проклятой таверне: улучшить момент ночью, может быть, стащить немного еды, найти выход через кухню...

А потом он вошел.

Дверь распахнулась не с привычным стуком, а с тяжелым, властным скрипом, будто ее не толкнули, а отодвинули саму суть этого жалкого места. Он заполнил проем — огромный, в дорогом бархатном кафтане, отороченном мехом, который явно стоил больше, чем «Спящий Енот» за год. Его лицо было рыхлым и розовым, глаза — маленькие, блестящие, как две жирные капли. Они сразу нашли меня, прошлись по всей фигуре — медленно, влажно, оценивая. Масляный, проникающий взгляд. Потом он улыбнулся — широко, самодовольно, обнажив желтые зубы, — и тяжело опустился за лучший стол, отодвинув локтем сидевшего там подмастерье.

В зале наступила тишина. Даже лютнист оборвал мелодию на полуслове. Все знали, кто это. Шепоток, который я ловила последние дни, обрел плоть и запах дорогих духов, перебивающих вонь таверны. Лорд с окраин. Тот самый «ценитель экзотики».

— Девка! — его голос был густым, как патока, и резал тишину. — Вина. Лучшего, что есть.

Марта, будто из-под земли выросшая, уже суежилась рядом с ним, ее улыбка была раболепной и жадной. Она что-то шептала, кивая в мою сторону. Он слушал, не сводя с меня глаз.

Ноги стали ватными. Я подошла, поставила перед ним кубок и графин, стараясь не смотреть ему в лицо. Руки дрожали, вино чуть не расплескалось.

— Ну-ка, посмотрим поближе, — проворковал он, хватая мою запястье. Его пальцы, пухлые и горячие, впелись в кожу как тиски. — Да, Марта не соврала. Свежо. Чисто. Интересно. Я попыталась мягко высвободиться, но его хватка стала железной.

— Позвольте, мне надо работать...

— Твоя работа теперь — меня радовать, — перебил он, и его голос потерял слащавые нотки. — Я заплатил. Очень, очень щедро. Хозяйке. За тебя. Весь вечер. А для начала... — Он потянул меня к себе так резко, что я чуть не упала, наткнувшись на его колени. Запах его тела, смесь пота, духов и чего-то животного, ударил в нос.

И тут, прямо посреди зала, при всеобщем молчаливом внимании, он ткнул пальцем вниз, на свою промежность, где уже угадывалась непристойная выпуклость.

— Соси. Здесь и сейчас. Хочу посмотреть, на что способен этот ротик.

В ушах зазвенело. Кровь отхлынула от лица. Я рванулась назад, отшатнулась, спотыкаясь.

Его лицо исказилось. Розовая маска благодушия слетела, обнажив сытое, избалованное хамство.

— Ты куда?! — он рявкнул, вставая. Стул с грохотом упал. — Я сказал, сосать! Я ЗАПЛАТИЛ! Ты моя собственность на эту ночь! Немедленно подчинись, шлюха!

Он двинулся на меня, его массивное тело заполнило все пространство. Марта замерла у стойки, и на ее лице я увидела не ужас, а холодный расчет: решай сама свои проблемы, товар уже оплачен.

В эту секунду что-то в нем перещелкнуло. Отчаяние, холодное и острое, пронзило лед внутри. Это не был просто похабный приказ. Это был акт публичного владения, унижения, утверждения его власти. Если я подчинюсь сейчас, здесь, на глазах у всех, дальше он сделает со мной все что захочет. И никто, “никто” не вступится.

«Если б я была мужчиной, сама бы не устояла», — вспомнились тогдашние слова Марты. Но я не была мужчиной. Я была товаром, который пытался себя защитить.

Я отступила еще на шаг, спиной наткнувшись на стоявший у стены подсобный столик. Рука нащупала что-то холодное и тяжелое — пустой, только что вымытый оловянный кубок. Массивный, с толстыми стенками.

Лорд, видя мой отпор, заорал еще громче, слюнявясь от ярости:

— Я тебя сломаю! Привяжу и заставлю! Ты...

Он не договорил. Я не думала. Я просто действовала. Вся накопленная за две недели ярость, страх, отвращение влились в один короткий, резкий взмах.

Звук был глухим, костяным, но не от удара по плоти. Кубок, выскользнувший из моих дрожащих пальцев, пролетел мимо пошатнувшегося лорда, описав в воздухе тяжелую, блестящую дугу. Все взгляды, включая мой, устремились за ним.

Он с оглушительным лязгом ударился о дверной косяк и упал на пол, покотившись к самым порогу.

На пороге, в обрамлении дверного проема, заливаемого скудным вечерним светом с улицы, стояли двое.

Они были так непохожи на все, что я видела в этой вонючей дыре, что разум на миг отказался воспринимать реальность. Высокие, невероятно стройные, в простых, но безупречно сидящих дорожных плащах. Их лица были поразительно красивы — неземной, холодной красотой резных статуй: высокие скулы, чуть раскосые глаза, светящиеся в полумраке странным внутренним светом, как у диких кошек. Уши, острыми кончиками выступающие из прядей серебристых волос.

Они стояли неподвижно, оценивая ситуацию в зале одним беглым, всевидящим взглядом. Их взоры скользнули по рычащему, опозоренному лорду, по бледной, дрожащей Марте, по замершей в грязи и страхе публике. И наконец остановились на мне. На моей искаженной ужасом и яростью фигуре, на пустых руках, только что выпустивших оружие.

Тишина в таверне стала абсолютной, звенящей. Даже лорд, потирая висок (кубок лишь чиркнул его, оглушив и оставив ссадину, но не убив), замер, уставившись на незваных гостей. В его глазах жирной уверенности сменились сначала недоумением, затем страхом иного, более глубокого свойства. Страхом перед теми, кто стоит вне его денег и местной власти.

Один из мужчин, казавшийся старше, хотя возраст его было невозможно определить, наклонился и поднял окровавленный кубок. Он держал его с таким видом, будто это не оловянная посуда, а любопытный, слегка грязный артефакт.

— Насилие, — произнес он на чистейшем, певучем наречии, которое, однако, было понятно каждому. Его голос был тихим, но резал тишину, как лезвие. — Грязь. Жадность. Обычный человеческий дурман.

Его спутник, чьи глаза были цвета зимнего неба, смотрел прямо на меня. В его взгляде не было ни осуждения, ни похоти, ни страха. Была лишь холодная, аналитическая оценка. Как будто он рассматривал редкое, не совсем понятное существо.

— И это, — сказал второй, кивнув в мою сторону, — источник волнения?

Лорд нашел в себе голос. Его трусость, прикрытая напускной храбростью, прорвалась наружу:

— Она моя! Я заплатил! Эта тварь пыталась меня убить! Схватите ее!

Но на его слова толком никто не отреагировал. Мужчины с острыми ушами лишь переглянулись и двинулись ко мне.

А я продолжаю вас знавовать с новинками нашего литмоба

И сегодня на очереди...

Булочка на десерт для голодных драконов

Тая Вальд

<https://litnet.com/shrt/t0Qv>

Глава 4

Эльфы, я наконец поняла, кто они такие, проигнорировали истерику лорда, как игнорируют лай дворовой собаки. Их внимание было целиком сосредоточено на мне, но я сразу почувствовала разницу. Их взгляды, прежде скользившие по залу с холодным безразличием, не стали пристальными или похотливыми, как у остальных мужчин здесь. В них не было того грубого желания, которое я научилась распознавать за две недели.

Они двинулись ко мне по залу, и их движения были столь плавными и беззвучными, что казалось, они не идут, а скользят над опилками и грязью на полу. Но цель у них была иной.

Остановившись в двух шагах, они не пытались схватить меня. Они просто... замерли. И впервые на их бесстрастных, прекрасных лицах появилось выражение — не вожделение, а чистое, безудержное изумление. Как будто они наткнулись на диковинный, прекрасный цветок посреди пустыря.

Они принюхивались. Неприкрыто, глубоко, с закрытыми на мгновение глазами, будто пытаюсь уловить и сохранить каждый оттенок аромата. Первый эльф сделал долгий, смакующий вдох, и его тонкие губы дрогнули в странной, почти болезненной улыбке. Второй же наклонился ближе, и в его глазах цвета зимнего неба вспыхнул не похоть, а живой, неподдельный восторг.

— Боги лесов... — выдохнул один из них, и его голос, всегда такой ровный и холодный, дрогнул от искреннего потрясения.

— Это... это как первый весенний цветок после тысячелетней зимы, — прошептал второй, его взгляд прилип ко мне, но был влажным от чего-то иного, почти благоговейного. — Как мед диких альпийских роз, смешанный с холодцом горного ручья...

Они оба просто стояли и дышали мной, забыв о зале, о лорде, обо всем на свете. Их аристократическое высокомерие испарилось, сменившись почти детским, жадным восхищением чем-то непознанным.

— От нее пахнет... утренней росой на паутинке, — сказал светловолосый, его глаза блестели.

Лорд, видя, что его полностью игнорируют, зарычал, но они даже не вздрогнули, поглощенные открытием.

— Она наша... нет, не так, — поправился тот, что был старше, обращаясь к собрату с новой, озаренной мыслью. — Она должна быть с нами. Не как наложница. Не как служанка. Просто быть...

— Она нежный цветок, а такие как вы готовы только калечить — кивнул второй, его пальцы разжались, и в жесте появилась осторожная нежность. — С ней рядом могут быть только те, кто умеют обращаться с куколками, как она. Без грубых прикосновений. Без грязи этих желаний.

Он наконец обратился ко мне, и в его голосе звучала не угроза и не страсть, а искреннее, почти наивное убеждение.

— Слышишь куколочка? Мы о тебе говорим. Подумай, что ты хочешь выбрать.

Первый эльф мягко добавил, и его голос стал убедительным, как тихий горный ручей:

— Подумай. Здесь тебя ждет участь вещи. Мы же... готовы показать тебе все спектры удовольствия. Уж поверь, мы умеем обращаться с желанной женщиной.

Я посмотрела на их ослепительные, просветленные лица. На захлебывающегося от ярости лорда, для которого я была лишь телом. На дверь, за которой уже топали стражники. И выбор стал вдруг кристально ясен.

— Я поеду с вами, — тихо, но четко сказала я. Мне же просто нужно выбраться отсюда. Другого шанса может и не быть.

Решение было принято не мной, а ими. Едва я кивнула, младший эльф, чьи движения всегда казались такими плавными, действовал с внезапной, хищной быстротой. Он наклонился, и прежде чем я успела вскрикнуть, его сильные руки обхватили мои бедра. В следующее мгновение мир перевернулся. Я очутилась перекинутой через его плечо, как мешок с зерном, но мешок, который несли с невероятной, почти религиозной осторожностью. Мое лицо уперлось в спину его плаща, сотканного из чего-то мягкого и холодного, как лепестки ночных цветов. Я завизжала от неожиданности и унижения, забилась, но его хватка была непоколебимой и при этом странно нежной — он не давил, лишь надежно фиксировал.

— Тише, — его голос прозвучал прямо у моего уха, ласково и убежденно. — Не трепыхайся. Иначе уроню.

Старший эльф шел рядом, его рука легла мне на спину, не весом, а скорее успокаивающим жестом, будто он гладил испуганного зверька.

— Все хорошо, куколка. Мы... вреда не причиним.

Лорд, увидев, как его «приобретение» буквально уносят, взревел, снова обретая дар речи. Он вскочил, его лицо было багровым, а жирные пальцы сжимались в кулаки.

— Стой! Я приказываю! Стража! Задержать их! ЭТО МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ!

Двое эльфов даже не повернули к нему голов. Они шли к выходу, неся меня как трофей, и их голоса прозвучали на удивление синхронно, холодно и абсолютно безапелляционно:

— Она наша.

В этих двух словах не было места для обсуждения. Это был не спор, а констатация закона — солнце встает на востоке, река течет вниз, а эта девушка с дивным запахом принадлежит им.

— Но я заплатил! — вопил лорд, бессильно топая ногой. — Хозяйка! Марта! Говори же!

Марта, бледная как полотно, вынырнула из-за стойки. Она металась между страхом перед эльфами и жадностью к уже полученному золоту.

— М-милорды... может, как-то договоримся? Она же действительно была... то есть, лорд внес предоплату...

Первый эльф наконец остановился и медленно повернул к ней голову. Его взгляд, обычно полный холодного любопытства, теперь был подобен лезвию из чистого льда.

— Ты, — произнес он тихо, и в таверне снова воцарилась мертвая тишина, — продаешь то, что не тебе принадлежит.

Второй эльф, не снимая меня с плеча, добавил, и в его голосе впервые прозвучала не детская восторженность, а древняя, безжалостная мощь:

— Запомни, человечиха. Она под нашей защитой теперь. И если мы хоть раз учуем, что ты снова пытаешься продать что-то или кого-то, если до нас донесется хотя бы слух... — он сделал крошечную паузу, и воздух вокруг, казалось, застыл. — Наш гнев будет долгим. И тихим. И сметет с лица земли не только эту таверну, но и память о ней. Поняла?

Марта замерла, ее рот беззвучно открывался и закрывался. Она кивнула, судорожно сглотнув. Лорд что-то пробормотал, но уже не кричал. Угроза, витавшая в воздухе, была слишком реальной, слишком нечеловеческой.

Эльфы развернулись и вышли на улицу, неся меня с собой. Холодный вечер встретил меня вздохом облегчения, смешанным с ужасом. Где-то вдали, у стойки для лошадей, виднелась легкая, ажурная колесница, запряженная двумя лошадьми серебристой масти.

— Видишь? — прошептал один из эльфов, помогая своему собрату аккуратно уложить меня на мягкие шелковые подушки внутри. — Теперь ты в безопасности. Никто не посмеет тебя тронуть. Ведь теперь ты наша.

Он поправил мои волосы, его прикосновение было ледяным и осторожным.

— А то, что наше, мы никому не отдаем.

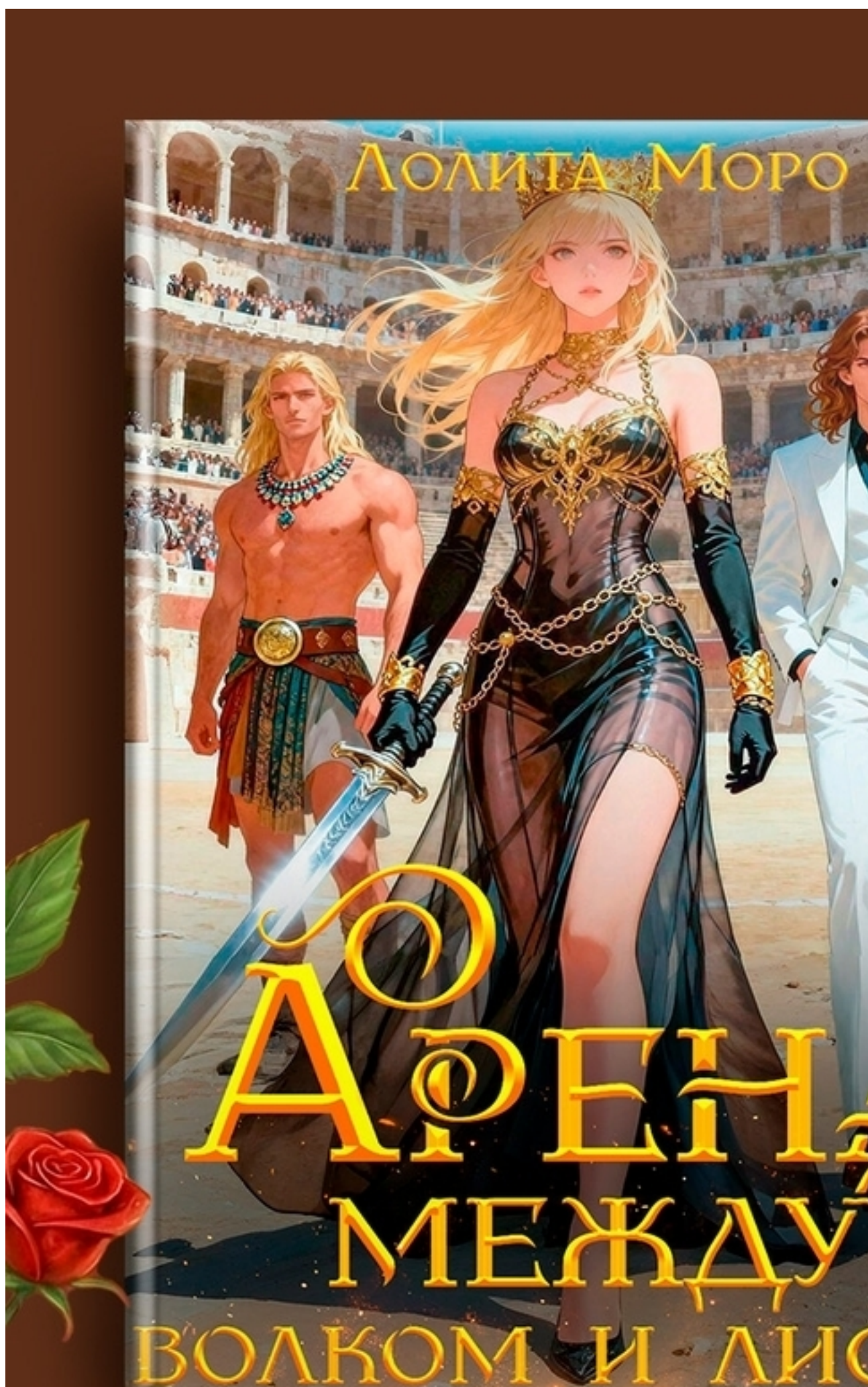
И почему мне кажется, что теперь его взгляд стал другой. Ох, черт. Надо бы выбираться отсюда, пока не стала слишком поздно.

А я знакомлю вас с еще одной новинкой нашего литмоба.

Арена: между Волком и Лисом

Лолита Моро

<https://litnet.com/shrt/5OVE>

Глава 5

Колесница была невероятно комфортной, но через три дня пути она начала казаться мне позолоченной клеткой. Эльфы, назвавшие себя Иларионом Кэленом, были безупречно вежливы. Они предлагали лучшую еду, деликатно интересовались моим самочувствием, окружали вниманием, граничащим с обожанием. Но в их взглядах, скользящих по моей фигуре, в мимолетных прикосновениях, когда они помогали мне сойти на землю, чувствовалось то же самое жадное любопытство, что и в таверне. Только приправленное изысканными манерами.

Мы остановились на ночлег в небольшой роще на опушке древнего леса. Кэлен ушёл искать родник, а Иларион принялся раскладывать невесомый шёлковый шатёр. Усталость от дороги и постоянное нервное напряжение сделали меня чересчур бдительной. Я притворилась уснувшей на мягких подушках внутри шатра, оставив едва приоткрытым полог.

Их голоса донеслись снаружи, тихие, но в ночной тишине абсолютно чёткие. Они стояли у костра, его отблески играли на их безупречных профилях.

– Она сегодня, когда наклонилась за кружкой, – говорил Кэлен, и в его голосе звучал знакомый, леденящий душу тон – тот самый, каким торговались купцы на рынке. – Изгиб спины... это просто искусство. Каждый раз, глядя на это, я чувствую, как кровь стучит в висках.

Иларион тихо рассмеялся, звук был похож на шелест листьев.

– Я знаю. А эти её глаза, когда она делает вид, что не замечает наших взглядов... Боги, Кэл, она совершенна. Каждое движение, каждый вздох. Помнишь, как она вчера у ручья намочила подол? Мокрая ткань обтягивала её бедра... Я едва сдержался, чтобы не подойти и не прикоснуться.

Я замерла внутри шатра, сердце заколотилось так, будто хотело вырваться из груди.

– Она играет с нами, невинная, – продолжил Иларион, и в его голосе прозвучала твёрдость. – Но это делает её ещё желаннее. Мы привезём её в Эн-Астарион, и там... там у нас будет время. Много времени, чтобы научить её всему. Чтобы она поняла, кому принадлежит.

«Принадлежит», – эхом отозвалось у меня в голове. Точно так же, как «она моя собственность». Разница лишь в упаковке.

Страх, острый и ясный, пронзил меня. Я обманулась. Я променяла одного тюремщика на другого, более изощрённого. Внезапная ясность была мучительной. Они не спасали меня. Они выбирали лучший экземпляр для своей коллекции, и теперь обсуждали, как будут им наслаждаться.

Дрожащими руками я нащупала край полога. Ни Кэлен, ни Иларион не смотрели в сторону шатра. Они были поглощены друг другом и своим разговором, полным похотливых деталей.

Это был мой шанс. Единственный.

Я выбралась из шатра бесшумно, пригнувшись, и скользнула в тень высоких папоротников. Сердце бешено колотилось, крича «беги, беги, беги». Я помнила, что видели днём – на востоке от рощи шумела река. Река означала воду, возможно, тропы, возможно, поселения, где можно затеряться.

Я побежала. Не оглядываясь. Ноги цеплялись за корни, ветки хлестали по лицу, но я не останавливалась. Адреналин придавал сил. Я представляла, как они обнаружат пропажу, как их прекрасные лица исказятся не гневом, а обидой и злобой коллекционера, у которого упустили редкую вещь.

Я добежала до края рощи. Впереди, в лунном свете, серебрилась лента реки. Ещё несколько шагов, и я нырну в кусты у самой воды, собираясь отдышаться и решить, куда дальше.

И тут из темноты передо мной вырастает высокая, знакомая тень. Запах древесины и мёда. Иларион.

Он стоял, скрестив руки на груди, его лицо было безмятежным, лишь в глазах светилось холодное разочарование.

— Далеко ли собралась, наша эльфийка? — прозвучал его бархатный голос, и от этого спокойного, властного тона по моей коже пробежали ледяные мурашки.

Всё было кончено. Побег длился меньше пяти минут. Они знали. Они всегда знали. И наблюдали.

Он сделал шаг вперёд, и я отпрянула, наткнувшись на другую твёрдую грудь. Кэлен. Он мягко, но неотвратимо обхватил мои бёдра сзади, не давая сдвинуться с места. Их тела сомкнулись вокруг меня, лишая пространства для манёвра, и в эту секунду я поняла всю глубину своей ошибки.

Они были не как тот лорд. Они были хуже. Лорд был грубым и очевидным. Эти двое... они были терпеливыми охотниками. И моя попытка сбежать только разожгла в них тот самый огонь, о котором они так поэтично рассуждали у костра. И теперь им больше не нужно было притворяться.

Сегодня расскажу об еще одной новинке в нашем лит.мобе

Цена спасения: контракт с бунтаркой

Ева Романовская

<https://litnet.com/shrt/G8IK>

Глава 6

И вот я стою, в их власти, и не могу с собой ничего поделать.

Все мои попытки оказались детской игрой, а я — глупой мышью, что вообразила, будто может перехитрить двух кошек, следящих за ней с самого начала. Они знали, что я попытаюсь сбежать. Знали, что услышу их разговор. И позволили мне пробежать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.